

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

И. Ю. Крачковский

Н. Я. МАРР И ПАМЯТНИКИ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Востоковед широкого диапазона, ученый колоссальной работоспособности, Н. Я. с самого начала своей научной деятельности вовлек арабский язык в круг своих интересов. С арабским языком он познакомился в университете у того, кого называл своим «любимым» учителем¹ и кто остался таким в его глазах на всю жизнь, у бар. В. Р. Розена. Когда Н. Я. поступил на факультет восточных языков в 1884 г., на старших курсах еще вел преподавание В. Ф. Гиргас, составитель известного словаря, по которому работали поколения арабистов до нашего времени, но уже весной 1886 г. он вышел в отставку² и через год после того умер.³ Таким образом, В. Р. Розен оказался единственным у Н. Я. учителем арабского языка и в университете и позже. Характерно, что, бывая впоследствии за границей, он слушал лекции по сирийскому, по персидскому, но не по арабскому языку.⁴ Школа В. Р. Розена казалась ему высшей, и совершенствовать ее на западе было не у кого. Войдя в науку в составе славной плеяды старших учеников В. Р. Розена, которую смерть так безжалостно гасила особенно в последние годы, он до конца дней ощущал свою связь с учителем и, быть может, особенно ярко и проникновенно ее выражал. И в день похорон В. Р. Розена, когда в эпитете «spiritus movens» русского востоковедения⁵ он нашел лучшее выражение мысли по достоинству оценивших эту утрату, и через полгода, когда в заседании Восточного отделения археологического общества под суженым заглавием «Барон В. Р. Розен и христианский Восток»⁶ он

---

¹ Ср. Председатель Государственной академии истории материальной культуры акад. Николай Яковлевич Марр, 1864—1934, издание ГАИМК, Л., 1934, 3.

² ЗКВ, III, 1928, 87.

³ Ibid., 87—88, прим. 6. Точная дата — 28 февраля 1887 г. — устанавливается теперь определенно по справке ОКРЗАПС Киевского окрвиконкома от 17 мая 1929 г., № 3518, на основании записи в книгах Киевской Златоустовской церкви за 1887 г., под № 27, полученной мной благодаря содействию Т. Г. Кезмы.

⁴ См. его автобиографию. Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук, ч. II, П., 1917, 19.

⁵ Памяти Виктора Романовича Розена. С.-Петербургские ведомости, № 11, от 13 января 1908 г.

⁶ Приложение к XVIII тому Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., СПб., 1909, 8—30.

дал непревзойденную до наших дней общую характеристику его научно-организаторского таланта, — везде ощущался не только острый, проникновенный ум, но и глубокое чувство, навсегда соединившее ученика с учителем. На всех этапах, на всех поворотных пунктах своей научной жизни Н. Я. невольно обращался мыслями к учителю. «Дорогой памяти» его посвятил он «Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка»,¹ корректуру которых В. Р. Розен успел просмотреть за несколько дней до смерти. Вспомнил он его через десять лет после смерти, прочтя в заседании Восточного отделения 17 февраля 1918 г., посвященном памяти В. Р. Розена, свой доклад «Из грузино-персидских литературных связей»,² где в начале речь идет о трех учителях и на первом месте о В. Р. Розене. И не случайно то обстоятельство, что еще в последнем году жизни Н. Я. опять обратился к образу своего учителя в брошюре «Доистория, преистория, история и мышление».³ Трогательно было видеть, как этот гигант-ученый на исходе седьмого десятка своей жизни словно продолжал искать разъяснения своих колебаний у давно отошедшего учителя.⁴ Бессознательно он, может быть, его модернизировал, внося те черты, которые сам Н. Я. стал различать через четверть века, протекшую после смерти его учителя в бурном течении событий. Но все же эта книжка 1933 года показывает, как жив был в его глазах облик того, лекции которого он начал слушать в 1884 г.

Однако В. Р. Розен был прямым учителем Н. Я. только в побочной для него специальности, и одним обаянием его нельзя объяснить особого интереса к арабскому языку. Надо вспомнить, что ядром, из которого выросла яфетическая теория, явилась мысль о родстве грузинского языка с семитическими. Здесь лежит корень особого внимания к семитическим языкам, а среди них едва ли не в первую очередь к арабскому, единственному среди всех семитических сохранившему богатую гамму живых диалектов. Упоминание о нем мы находим в первой печатной статье Н. Я. на грузинском языке «Природа и характер грузинского языка»;⁵ одну из последних работ он посвятил специально вопросу об арабских числительных.⁶ На всем протяжении 45-летней работы как в кипящий, пенящийся водоворот неустанно вовлекал Н. Я. бурным потоком своей мысли отдельные элементы, отдельные слова и корни арабского языка, препарировав их под углом зрения своей теории. Не всегда арабисту, воспитанному в строгих, веками проложенных путях семитологии, были ясны выходившие из его лаборатории формулы, но живой, искрящийся взор действовал заразительно и часто стимулировал плодотворную

¹ СПб., 1908.

² ЗКВ, I, 1925, 111—128.

³ Известия ГАИМК, вып. 74, Л., 1933.

⁴ Стр. 21—25.

⁵ Иверия, 1888, № 86.

⁶ ЗКВ, V, 1930, 611—645.

мысль, дальнейшее искание. Дело лингвиста осветить объем и глубину использования арабского языка в работах Н. Я.

Но одним языком не ограничивался интерес Н. Я. к арабистике: с таким же вниманием подходил он к памятникам арабской литературы, и здесь я хочу привести посильные для меня итоги. Тут с самого начала Н. Я. попал точно так же в орбиту интересов, воодушевлявших бар. В. Р. Розена. В том же самом 1888 году, когда была опубликована на грузинском языке первая печатная статья Н. Я. о родстве грузинского языка с семитическими, он выступил 29 сентября с первым своим сообщением в Восточном отделении Русского археологического общества¹ — этом своеобразном исследовательском институте, где после университета воспитывались все ориенталисты старого поколения. Тема гласила: «Мудрость Балавара, грузинская версия душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе». Это сообщение оказалось первой статьей Н. Я., напечатанной по-русски,² и с честью заняло свое место в цикле работ, посвященных мировой повести о Варлааме и Иоасафе — известному бродячему сюжету, в основе — сказанию об обращении Будды, который нашел свое отражение едва ли не на всех языках Азии и Европы. Немногим уже памятен тот интерес, с которым разрабатывался этот сюжет в 90-х—900-х годах в наших кругах, особенно связанных с Восточным отделением Археологического общества; сам Н. Я. в 1908 г. подвел итог богатым результатам этой действительно коллективной работы.³ Важно отметить, что уже здесь, в своей первой статье, он обратил особое внимание и на арабскую версию,⁴ местами приводя для нужных параллелей арабский текст.⁵

И студенческое медальное сочинение,⁶ и Варлаам и Иоасаф влекли Н. Я. в сторону странствующих повестей. Следующая крупная работа его уже непосредственно связана с арабской литературой. Изучение армянской версии так наз. «Сборников притч Вардана», результаты которого были опубликованы в трех томах в 1894—1899 гг., обнаружило, что арабская «Лисья книга» — один извод животного эпоса — переведена с армянского. Знание основных семитических языков помогло Н. Я. выяснить вопрос в полном объеме. В приложении к своей работе он мог дать обширные извлечения арабского неопубликованного текста⁷ на основе лондонской рукописи — каршуни,⁸ т. е. написанной сирийскими

¹ ЗВО, III, 1889, VII.

² Ibid., 223—260.

³ ЗВО, приложение к т. XVIII, 1909, 14—16.

⁴ ЗВО, III, 229—230.

⁵ Ibid., 244, 252, 254.

⁶ Тема его «Историко-литературный обзор грузинских повестей, писанных в прозе в XI и XII веках». См. автобиография, стр. 19.

⁷ Сборники притч Вардана, ч. III, Приложение, СПб., 1894, Приложение IV. Избранные притчи из арабской «Лисьей книги», стр. 111—128.

⁸ Она сохранилась в India Office, № 1049, op. cit., 112.

буквами, использовать которую не всякому чистому арабисту было бы под силу. Целая глава исследования посвящена им специально анализу арабской версии,¹ ее языковых особенностей. Он привлекает материалы по живым арабским диалектам,² а для литературных параллелей — ряд памятников арабской письменности вплоть до известных басен Локмана.³ Добытый здесь вывод о «Лисьей книге» изопрятывает внимание Н. Я.: появляется его статья к вопросу о переводах с армянского на арабский,⁴ его начинает интересовать тема о соотношениях некоторых отраслей специально арабской литературы с письменностью других народов Ближнего Востока. Изучая армянского историка, он открывает арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса:⁵ ему все яснее становится культурная общность ряда народов и литератур, разделенных внешними преградами различия языков и, исходя попрежнему из Кавказа, он все глубже погружается в ту полузабытую, полупрезираемую область, которую мы условно называем христианско-арабской литературой, письменностью христиан на арабском языке.⁶ Если и теперь в науке она не получила равноправия и занятие ею считается обыкновенно уделом второстепенных ученых, то в конце XIX и начале XX вв. положение было еще хуже. У нас только В. Р. Розен осветил все значение исторической отрасли этой литературы, все же другие отделы попрежнему оставались в тени и на западе являлись монополией узкого круга богословов. Н. Я., подходя к этим памятникам письменности в планомерном движении своих работ и построений, не мог не оценить их глубокого значения. Сама судьба его как бы толкала в эту сторону: уже в первом своем письме В. Р. Розену с Кавказа, со станции Чахатури, 21 июня 1888 г.⁷, он задает ему вопросы о встретившемся в грузинских источниках писателе Авукаре или Абу-Курре, еще смутно чувствуя его арабский прототип. Если до начала XX в. он подвигался к христианско-арабской литературе медленно, соразмеряя свои занятия в других областях, то поездка в 1902 г. на Синай и в Иерусалим на время отдала его в плен этим памятникам. Конечно, в течение этой поездки он имел определенные задачи по кавказской филологии, которые выполнил с излишком, но арабские материалы влекли его с непреодолимой силой и он отдал им не малую дань. Во время этого путешествия Н. Я. впервые столкнулся с арабским миром в его живой стихии и, как всегда, он погрузился с инте-

¹ Часть I. Исследование, СПб., 1899, стр. 1—64. Гл. I: «Лисья книга и книга лисьих притч».

² *Op. cit.*, 48—49.

³ *Op. cit.*, 467.

⁴ ЗВО, XII, 1900, 035—038. Теми же интересами вызвана и его более поздняя рецензия на изданный W. Riedel'ем каталог христианско-арабских произведений Абу-л-Бараката, ЗВО, XV, 1904, 0187.

⁵ ЗВО, XIV, 1902, 078—091. Ср. замечания П. К. Коковцова, *ibid.*, XV, 1904, IV, VI.

⁶ Уже в «Сборниках притч Вардана» он подчеркивает, что «Лисья книга» — памятник христианско-арабской письменности, см. ч. I, Исследование, СПб., 1899, 47.

⁷ Хранится вместе с другими в Рукописном отделении Института востоковедения, см. ДАН-В, 1929, 233, № 99.

ресом в открывшуюся перед ним картину. В Каире он знакомится с крупнейшим арабским писателем того времени Ж. Зейданом (1861—1914), благодаря ему узнает не только о положении книжного дела в Египте, но и о возрождении новой литературы; в типографии он видит печатающийся перевод Илиады С. Бустани (1856—1925), который вышел в свет только в 1904 г., представив крупное литературное событие.¹ Он не проходит молчанием и подмеченного им соотношения между «древне-арабским» и «вульгарно-арабским» языками в применении их к письменности.² На обратном пути в Бейруте он посвящает два дня изучению Université St. Joseph, знакомству с крупнейшими здесь ориенталистами и посещению типографии, которая производит на него сильное впечатление.³ Из арабистов он встречает здесь большого почитателя В. Р. Розена, издателя ал-Ахтала А. Сальхани (род. в 1847 г.), историка восточных церквей А. Раббата (1867—1913), известного редактора ал-Машрика Л. Cheikho (1859—1928) и составителя популярных арабско-французского и французско-арабского словарей Ж. В. Belot (1822—1904).⁴

Рукописи влекли не менее непреодолимо, чем люди и жизнь. Добыча была богата; кроме одного капитального памятника, вывезенного с Синае в фотографии, Н. Я. мог обследовать снова арабские версии Варлаама и Иоасафа,⁵ обратить внимание на любопытный синаксарь⁶ и многое другое. Нужна была всем известная работоспособность Н. Я., его острая внимательность, чтобы за трехмесячный срок работы в книгохранилищах успеть обследовать и арабскую азбуку для грузин, и отметить арабские рукописи с грузинской нумерацией, и заметить арабские приписки в грузинских рукописях.⁷

¹ См. мою статью «Арабский перевод Илиады», «Гермес», 1909, № 2, 15 января, стр. 37—42.

² Все эти впечатления он сообщает в письме из Каира от 22 апреля 1902 г. В. Р. Розену. Я позволю себе привести их в подлиннике. «Через армянских знакомых, главным образом сестру Кпольского патриарха Орманяна, познакомился с арабским одним деятелем George Zaidan, издателем الهلال, автором исторического романа, готовящим историю Египта. Он мне дал кое-какие указания о книжном деле в Каире». «Видел готовящееся издание новое: арабский перевод в стихах и с комментариями (подстрочными) Илиады. Огромная работа, судя по рукописи. Отпечатанные листы производят прекрасное впечатление по внешности. Я был в самой типографии. Издание имеет вид европейского. Совсем не похоже на обычные восточные издания литографские, хотя такие также имеются. Судя по словам редактора al hilal'я во главе литературного движения («возрождения» как он говорит) находятся арабы-сирийцы. Я искал, что-либо найти на егип. арабском, но не нашел ничего из текстов, хотя исходил все магазины местные (туземные) книжные. Все газеты и журналы здесь на древне-арабском, что Вам, конечно, лучше меня известно, но что меня очень поразило. Нет никакого стремления к вульг. арабскому».

³ Сообщение в письме В. Р. Розену от 1—3 сентября 1902 г. из отеля «Deutscher Hof» в Бейруте.

⁴ Последнего Н. Я. не называет в письме по фамилии, но речь может идти только о нем, что подтверждается данной тут же характеристикой («стар, скромн, даже застенчив»).

⁵ Предварительный отчет о работах на Синае... в поездку 1902 г., Сообщения Палестинского общества, т. XIV, ч. II, 1903, стр. 7—11.

⁶ Ibid., 7.

⁷ Ibid., 33.

Но основным результатом поездки в арабистической области было открытие арабской версии легенды о Григории, просветителе армян, грузин, абхазов и алан. Краткое сообщение об этом памятнике появилось уже в следующем году после поездки в «Предварительном отчете»,¹ а в 1905 г. вышло полное издание с переводом и исследованием.² О значении этой работы для истории и литературы Кавказа надо говорить в другом контексте; в области христианско-арабской письменности издание до сих пор остается классическим и может быть признано главным капитальным трудом Н. Я. в нашей специальности. В издании арабского текста³ он не пошел по проторенной дороге некоторых исследователей христианско-арабской письменности, приглаживающих язык памятника по общелитературному шаблону. Он правильно видел в нем ярко выраженные следы живого языка с его диалектическими особенностями и бережно сохранил все эти драгоценные для истории языка детали,⁴ тщательно их отметив и проанализировав.⁵ Этот анализ по своей точности и внимательности может служить образцом для изучения аналогичных памятников и до наших дней.

Близко связана с поездкой в Иерусалим и другая работа Н. Я. — повествование Антиоха Стратига о пленении Иерусалима персами в 614 г.⁶ Открытая им здесь грузинская версия показала, что она переведена с арабского языка,⁷ но полный арабский извод до сих пор не обнаружен. Сохранилось только краткое извлечение этого извода, которое Н. Я. и приложил, на основании единственной рукописи, к своему изданию и исследованию грузинского текста.⁸ Несмотря на то, что арабский текст исследовался до него рядом арабистов,⁹ Н. Я., сумевший впервые осветить его историю в последовательном развитии всех стадий, впервые придал окончательную форму изданию, с полным анализом и учетом всех особенностей,¹⁰ как и в сказании о Григории-просветителе.

Работа об Антиохе Стратиге была последней у Н. Я. из нашей области, прошедшей через руки В. Р. Розена.¹¹ С его смертью он невольно и незаметно, но совершенно естественно, самым ходом вещей, оказался во главе работ по христианско-арабской литературе. Это обнаружилось уже в первые месяцы. Когда

¹ Предварительный отчет о работах на Синае . . . , 22—25. В связи с ним стоит и рецензия на португальскую работу М. Е. Pereira, ЗВО, XV, 1904, 0185—0187.

² ЗВО, XVI, 1905, 63—211.

³ Ibid., 66—148.

⁴ Ср. мои замечания по поводу рецензии P. Peeters на эту работу Н. Я. Марра, ЗВО, XVIII, 1908, 0107—0109, 0113.

⁵ ЗВО, XVI, 184—211.

⁶ Предварительный отчет, 33—34.

⁷ Ibid., 34.

⁸ Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г., СПб., 1909, стр. r — 1.

⁹ Op. cit., 26—29, ср. ЗВО, XXV, 1921, 433.

¹⁰ Op. cit., 8—9, 29—39, 74—77.

¹¹ Op. cit., 8, прим. 1.

близкий ученик В. Р. Розена, византинист по прямой специальности, которому он предполагал поручить издание давно открытой им хроники Агапия Манбиджского, обещая свою помощь для установления арабского текста, при вести о его смерти готов был отказаться от своего намерения, Н. Я. сумел его поддержать и сумел найти помощника, не пожалев своего времени для участия и наблюдения за работой. Он только тогда оставил это, когда убедился, что дело находится, как он сам выразился, в надежных руках.¹ Возможности Н. Я. расширились в 1912 г., когда по его инициативе был организован в Академии Наук периодический орган «Христианский Восток»; со всегдашней готовностью он уделял в нем место статьям по христианско-арабской литературе, нередко их поддерживая и стимулируя, расширяя и направляя в родственные области. Когда появилась статья о знакомстве с писателем Абу Куррой мусульманской литературы,² по его инициативе возникла статья об Абу Курре в древне-грузинской литературе.³ Только его интересу обязан своим появлением в печати суммарный каталог арабских рукописей библиотеки Зимнего дворца, привезенных в 1913 г. антиохийским патриархом, которые теперь находятся в Институте востоковедения.⁴ Когда выяснилась невозможность опубликовать подготовленный сводный каталог христианско-арабских рукописей Ленинграда, он горячо приветствовал появление сводного индекса на арабском языке,⁵ откликнувшись сочувственным письмом от Публичной библиотеки, во главе которой тогда стоял.

Уже в 1909 г. Н. Я. заменил В. Р. Розена в Академии Наук, избранный на его вакансию, а в 1911 г. он и официально стал главой русского востоковедения, избранный деканом факультета восточных языков, единственного в то время рассадника научного востоковедения. Если первый преемник В. Р. Розена, избранный еще при его жизни, В. А. Жуковский, с достоинством поддержал факультет на достигнутой им высоте, ведя его в старых традициях по намеченному пути, то дальнейший и последний уже расцвет связан несомненно с именем Н. Я. Марра. Понятно, однако, что организационные заботы, с одной стороны, все большее углубление общелингвистических интересов, с другой, чем дальше, тем сильнее отвлекали его специально от памятников арабской литературы;⁶ тем

¹ Это издание — *Kitab al-Unwan, histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj éditée et traduite en français par Alexandre Vasiliev* — вышло в 4 выпусках в серии *Patrologia Orientalis* в 1909—1915 гг., см. *première partie* (1), p. 563 (7)—564(8) и ср. ИАН, 1921, 22.

² *Христианский Восток*, IV, 1916, 301—309.

³ *Известия Кавказского историко-археологического института*, т. IV, Тифлис, 1926, 41—50.

⁴ Первоначально он вышел как отдельный оттиск из ненапечатанного т. VII *Христианского Востока*, 1924 г., а затем помещен в *Известиях Кавказского историко-археологического института*, II, (1917—1925), 1927, 1—20.

⁵ *Журнал ал-Машрик*, XXIII, 1925, 673—685.

⁶ За работами, выходящими в этой области, он следил попрежнему внимательно и входил во все детали, ср. его заметку «Одна мелочь к арабской транскрипции имен в списках никеян», *Христианский Восток*, V, 1916, 51.

не менее интересу к ним он оставался верен и всегда горячо поддерживал их изучение. Когда в 1912 г. был объявлен на факультете восточных языков впервые необязательный курс христианско-арабской литературы, со следующего же года Н. Я. ввел его в план руководимого им Кавказского отделения для грузиноведов. Курс продолжал читаться до 1919 г., т. е. до конца существования факультета восточных языков;¹ его аудитория, на ряду с единичными семитологами, регулярно пополнялась учениками Н. Я., и можно надеяться, что та широкая концепция, в которую он включал и арабскую литературу, благодаря этому получила большее распространение. Когда шла речь о реорганизации б. Лазаревского института, он и здесь в общем плане будущего преподавания не забывал памятников христианско-арабской литературы во всем комплексе изучаемых дисциплин.²

Не следует думать, что только памятники этой, в известной мере специфической, литературы влекли к себе интерес Н. Я. Почти на все области арабистики он откликался и во многих принимал непосредственное участие. Когда командированный на арабский восток молодой магистрант присылал в 1908—1909 г. свои лингвистические отчеты факультету восточных языков, то особенно усердным их читателем оказался Н. Я., хотя в это время он не занимал никакой официальной должности и делал это только из интереса к существу вопроса. Близкое знакомство с этими отчетами обнаружилось значительно позже, совершенно неожиданно для их автора, особенно тогда, когда Н. Я. в своем отзыве при избрании в академики бывшего магистранта выразил сожаление, что из него не вышел лингвист.³ С такой специальной областью, как арабская эпиграфика, Н. Я. сталкивался очень близко на раскопках в Ани и в 1917 г. не побоялся погрузиться в анализ монументальной арабской надписи,⁴ перед которой до того отступали арабисты.

Памятники арабской литературы были близки Н. Я. на всем протяжении их хронологического и географического распространения. Ограничусь двумя примерами. В 1917 г. вышла книжка о современном арабском писателе Амине Рейхани. Широкая русская печать встретила ее с нескрываемым недоумением и в одном органе было высказано даже негодование на то, что ученые занимаются такими сюжетами.⁵ Н. Я. в редактируемом им академическом органе первым по собственной инициативе откликнулся на это издание, достойно оценив и писателя и посвященную ему книгу и, как всегда, яркими широкими мазками дал синтезирующую картину, на фоне которой многое становилось яснее.⁶ Беру другой пример. Во второй половине 20-х годов начали печататься в «Докладах Академии

¹ См. «Обозрения преподавания» за соответствующие годы.

² См., напр., ИАН, 1918, 1488—1490.

³ ИАН, 1921, 22.

⁴ Отчет Анийского музея древностей за 1915 год (Анийские древности, II), Петроград, 1917, 23.

⁵ Газета «Вечерний Час», около 9—10 февраля 1918 г. (точной ссылки у меня не сохранилось).

⁶ Из современной арабской литературы, Христианский Восток, VI, 1917, 87—90.

Наук» «прекрасные по существу исследовательской постановки и по акрибии», как их назвал сам Н. Я.,¹ этюды К. С. Кашталевой по терминологии Корана.² Они подходили к вопросу не столько с лингвистической, сколько с историко-филологической стороны; Н. Я., увлеченный одной затронутой здесь темой, со свойственной ему быстротой и темпераментом вошел в ее разработку и дал лингвистический этюд термина ханиф с точки зрения своей теории, затронув ряд любопытных культурно-исторических деталей.³

Так, на базе прочного фундамента, заложенного школой В. Р. Розена, научная мысль Н. Я., не замирая и не слабея, в течение четырех с половиной десятков лет откликалась на все новое, что появлялось в нашей арабистике, и часто сама двигала эту арабистику вперед. В этой сфере, казалось, далекой от его специальности, он оставил труды, достойные специалиста, а своим одушевленным талантом вызвал к жизни и ободрил не мало работ и начинаний. История нашей арабистики сохранит о нем вечную память.

Январь 1935 г.

---

¹ ИАН, 1929, 88.

² ДАН-В, 1926, 52—55, 56—57; 1927, 102—107, 117—120, 121—124; 1928, 7—12, 157—162.

³ ИАН, 1929, 85—95.